

МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О ФОРМИРОВАНИИ В КИТАЕ НОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ?

© 2019 г. А.В. Виноградов^{1,*}, А.И. Салицкий^{2,**}

¹ Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия

² Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

*E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru; **E-mail: sal.55@mail.ru

Поступила в редакцию 27.08.2018 г.

Поступила после доработки 25.09.2018 г.

Принята к печати 10.10.2018 г.

В связи с 40-летием китайских реформ авторы анализируют пройденный Китаем путь. Особое внимание уделяется недавним событиям — XIX съезду КПК и 1-й сессии ВСНП 13-го созыва. По мнению авторов, реформы и модернизация в Китае близки к завершению, об этом было сказано и на съезде КПК, страна вступила в принципиально новую фазу развития, в ней формируется самобытный общественный строй, а китайская специфика приобретает черты целостности в качестве самостоятельного, альтернативного Западу проекта общественного развития.

Ключевые слова: китайские реформы, теория и практика социализма в Китае, модернизация, XIX съезд КПК, социализм, марксизм, китайская специфика, общественный строй.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-5873892172-178>

Есть два формальных повода для ретроспективного анализа основных вех китайских реформ. Во-первых, их начало принято относить к 3 пленуму ЦК КПК 11 созыва (1978). С того времени минуло уже 40 лет. Во-вторых, на XIX съезде китайских коммунистов (2017) фактически было объявлено

о скором завершении реформ и вступлении страны в новую эпоху. Но есть и ещё одна, глубинная, причина обращения к китайскому опыту. Реформы Дэн Сяопина (а именно с этим именем их привычно связывают) изменили мир и войдут в мировую историю наравне с другими крупнейшими событиями, такими как Великая французская и Октябрьская революция в России, открывшими новые перспективы в развитии человечества.

Традиционно было принято рассматривать китайские реформы преимущественно сквозь призму экономических преобразований, которые положили начало трансформации базиса китайского общества, ускорили темпы его развития и сделали Китай экономической сверхдержавой. На самом деле, как сейчас видно, необходимо увеличить масштаб анализа, поскольку с решений 3-го пленума началась реформа всего китайского государства и общественного строя, в результате чего появилась новая модель общественного развития. Постепенные изменения в производительных силах и производственных отношениях вылились в фундаментальные сдвиги в надстройке (подтвердив действенность экономического детерминизма марксизма в марксистском государстве), но не остановились на этом. В итоге было найдено практическое ре-

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович — доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН. САЛИЦКИЙ Александр Игоревич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

шение центральной для Китая задачи последних 200 лет: он стал современным государством, способным адекватно отвечать на внешние вызовы и успешно решать внутренние проблемы развития, в том числе принципиально новые.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Историческое значение 3-го пленума, состоявшегося в декабре 1978 г., обусловлено тем, что на нём после двух десятилетий "классовой борьбы при социализме" центр тяжести работы партии был перенесён с разрушения и сопротивления на экономическое строительство и созидание, с теории на практику. Практически сразу после пленума негативные последствия деидеологизации и односторонней опоры на практику на рабочем совещании ЦК КПК (февраль—март 1979 г.) были сбалансированы "четырьмя основными принципами", нацеленными на сохранение в курсе реформ социалистических ценностей и руководства компартии: социалистический путь, диктатура пролетариата, руководство КПК, марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна.

Большое начинается с малого. В начале реформ ставились узкие, конкретные и очень скромные с точки зрения окончательных результатов цели: "вэнь-бао" (согреть и накормить население), то есть буквально не дать ему умереть с голоду, а в качестве перспективной цели — "сяокан" — достичь уровня скромного достатка для всего миллиардного населения, задача гигантская по экономическому масштабу, но непритязательная по меркам исторического развития.

В процессе достижения этих целей были решены и многие другие задачи, которые по ходу дела выдвигались как дополнение, необходимое условие или инструмент трансформации. В совокупности складывалась целостная и в силу практического, а не идеологического характера преобразований не похожая ни на что другое картина общественного строя. Подрядные отношения в деревне и городе, соседство плана и рынка, двухколейная система цен (твёрдые государственные и рыночные), многоукладная система собственности, организация специальных экономических зон и привлечение иностранного капитала и технологий, а затем и система "одно государство — два строя", сохранившая капитализм в Гонконге и Макао в рамках единого китайского государства, мануфактуризация села — эти и многие другие новшества более или менее органично вписались в ткань реформ и открытой политики.

Существенной чертой преобразований стал акцент на *самостоятельность китайского пути*. Собственно широкомасштабные реформы начались с выдвижения задачи "строительства социа-

лизма с китайской спецификой" на XII съезде КПК в 1982 г., после окончательной консолидации реформаторов во власти и первых успехов урегулирования экономики. Постепенно отдаляясь от теоретических схем и догм под лозунгом "практика — критерий истины", КПК формировала собственные представления о социально-экономической и, в меньшей степени, политической системе китайского общества, ставшей после поражения социализма в СССР и Восточной Европе уникальной. На помощь практике приходили возрождённые общественные науки, широкие и острые дискуссии, в частности и прежде всего по политической экономии. Здесь выделялись имена Сунь Ефана, У Цзинляня, Юй Гуаньюаня, Ли Инина, Гу Шутана, Су Шаочжи, Лю Гогуана [1, с. 44—55]. В работах учёных-экономистов с особой тщательностью анализировался опыт социалистических стран, а также успешных соседей по Восточной Азии. В октябре 1984 г. родилась формулировка "социалистическая экономика — это плановое товарное хозяйство" [2].

На острие реформ оказались и исследования в области истории, политики, социологии и культуры Китая, мировой экономики и международных отношений. Но при движении наощупь теория закономерно отставала от практики, не было готовых рецептов и в зарубежном опыте. В результате на XIII съезде КПК (1987) была принята концепция *начальной стадии социализма* — достаточно общая формулировка. Её принципиальная новизна состояла в признании социализма не относительно короткой переходной фазой от капитализма к коммунизму, как до этого считалось в Китае, особенно в период "культурной революции", не просто длительной и самостоятельной стадией развития, как это признавалось в СССР, а самостоятельным историческим периодом, со множеством этапов и переходных форм, сочетающих черты капиталистического и социалистического общества, меняющегося в зависимости от эпохи и появления новых вызовов.

Внутриполитический кризис и экономический сбой в КНР в 1989—1990 гг., а также закат социализма в СССР и европейских странах с новой силой потребовали концептуализации практики. КПК справилась с этой задачей: в ходе поездки Дэн Сяопина на юг и последовавшего затем XIV съезда партии в 1992 г. продолжение реформ оформилось под лозунгом *социалистической рыночной экономики* — казалось бы, эклектичного теоретического построения, прямо противоречащего традиционным представлениям о социализме. Однако оно вполне органично вписывалось в постулат о начальной стадии социализма, коррелировало с тезисами "обогащайтесь", "бедность — это не социализм", "одна страна — две

системы", согласовывало взгляды "рыночников" и "государственников". Следует иметь в виду, что в условиях возраставшей региональной дифференциации в Китае общие формулировки с неизбежностью должны были носить компромиссный характер. Дискуссии об "измах" на время прекратились, повысилось внимание к западным теориям рыночного хозяйства, вопросам макрорегулирования, реформам госсектора и участия в глобализации.

Успешная практика переступала идеологические барьеры и, открывая новые пространства, приносила плоды: к рубежу веков Китай преуспел в индустриализации города и села, борьбе с инфляцией, развитии и локализации экспорта готовых изделий, привлечении иностранного капитала и технологий, реформе госсектора. Крупным успехом реформаторов стало присоединение Гонконга (1997) и Макао (1999) и окончательное расставание с наследием колониального периода, ущемлявшего чувство национальной гордости. Китай расправлял плечи, но будущее его ещё оставалось довольно неопределённым.

Первое десятилетие нового века ознаменовалось массированным строительством современной инфраструктуры, информатизацией общества, становлением "Китая корпораций" и началом активного инвестирования за рубежом, ростом внимания к социальной сфере, в частности, отменой налогов с крестьян, активным созданием системы социального страхования, до того практически отсутствовавшей, успешным противостоянием мировому финансовому кризису 2008–2009 гг., первыми результатами в снижении энергоёмкости производства. В стране развёртывалась научно-техническая и экологическая революция, расцветали культура и спорт.

Не стояла на месте и теория. Оба предшественника Си Цзиньпина на посту лидера партии внесли свой вклад в идейно-теоретическую платформу КПК. В то же время идея "тройного представительства"¹ третьего поколения руководителей во главе с генеральным секретарём Цзян Цзэмином и "научная концепция развития" четвёртого поколения во главе с генеральным секретарём Ху Цзиньтао были лишь продолжением и развитием марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина, но не новой страницей. В этом они уступали идеям Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина — идеям, которые символизировали поворотные точки в развитии теории и поэтому рассматривались как результат соединения основных положений марксизма-ленинизма с конкретной практикой

китайской революции, с реалиями современного Китая и особенностями эпохи. Явное угасание теоретической активности и снижение вклада лидеров КПК в теорию косвенно свидетельствовали, что в рамках существующих воззрений дальнейшее развитие теории затруднено и возможно лишь в виде уточнений и дополнений.

Китай продолжал быстро меняться, менялось и его место в мире. Что касается внутренних трансформаций, то появилась угроза отчуждения от общества партии и бюрократического аппарата, которые возглавили и осуществили реформы и поэтому претендовали на особое место при распределении их результатов. Для теоретического руководства страной вновь стали актуальными созвучные практике идеи. К началу второго десятилетия века сложилась потребность в крупном доктринальном обновлении курса КПК. Этой работой занялось пятое поколение китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином.

XIX СЪЕЗД КПК

Главная новация прошедшего осенью 2017 г. съезда — провозглашение теории "строительства социализма с китайской спецификой новой эпохи". Эта идея вместе с именем Си Цзиньпина включена в устав КПК. *Определение отношений новой эпохи* и начальной стадии социализма, на которой, как признаётся, по-прежнему находится китайское общество, — важная теоретическая задача, которую ещё предстоит решить. Сложность её состоит в том, что положение о начальной стадии ещё раньше было включено в преамбулу устава КПК и заменить или исключить его из документа можно только после соответствующего теоретического обоснования и серьёзной идейно-пропагандистской работы. Здесь проявилась одна из главных черт китайского способа мышления — *ориентация на преемственность*, которая предполагает дополнение и отвергает исключение. Признать, что определённый этап закончился и начинается новый, непросто, а свойственная китайской истории и сознанию принципиальная эволюционность сдерживает развитие, консервирует противоречие между старым и новым, не даёт ему разрешиться. Но начало новому большому этапу развития было положено.

Наступающая эпоха предполагает новое теоретическое обоснование, ведущим в котором в марксистской традиции является новое *главное противоречие*. Главное противоречие общественного развития в марксизме имеет фундаментальное значение. На это в докладе съезду указал Си Цзиньпин: "Изменения в основном противоречии китайского общества являются исторической переменой" [3, с. 9].

¹ КПК представляет интересы, во-первых, прогрессивных производительных сил, во-вторых, прогрессивной культуры, в-третьих, всего населения Китая.

В понимании главного противоречия в Китае сменилось несколько этапов. В классово антагонистических обществах, в том числе в Китае до революции 1949 г., это было противоречие между классом эксплуататоров и классом эксплуатируемых, которое сохранялось и в переходный период к социализму. Снимала это противоречие только классовая борьба, которая находилась в центре деятельности компартии.

С началом строительства социализма в первой половине 1950-х годов было принято советское определение основного противоречия — между растущими материальными и духовными потребностями народа и отсталыми производительными силами. В годы "культурной революции" место главного противоречия вновь заняла классовая борьба. Но с 1978 г. ситуация стала меняться, в Китае вернулись к прежнему определению. На XII съезде КПК (1982) в докладе генерального секретаря Ху Яобана целью социалистического строительства провозглашалось "удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей народа"² [4, с. 91]. Схожая формулировка содержится в докладе генсека Чжао Цзяяна на XIII съезде КПК (1987): "Главное противоречие, которое встаёт перед нами на нынешней стадии, — это противоречие между растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством" [5, с. 13]. В соответствии с главным противоречием определялся приоритет деятельности компартии — развитие производительных сил и удовлетворение за счёт этого растущих потребностей народа.

На XIX съезде КПК в 2017 г. было провозглашено новое главное противоречие — между постоянно растущими потребностями народа в лучшей жизни и неравномерностью и неполнотой развития [3, с. 9]. В китайской интерпретации "неравномерное и неполное развитие" означает негативные последствия экономического роста, в первую очередь экологические проблемы, а также социальные и региональные разрывы и противоречия [6, с. 20–22; 7].

Из формулировки нового главного противоречия следует смещение приоритета с экономического роста, который удовлетворял материальные и духовные потребности, на *повышение качества различного рода социальных отношений и государственного управления*, которым соответствуют менее конкретные и строгие представления о "лучшей жизни". Ниже в тексте доклада съезду говорится об удовлетворении экономических,

культурных и других потребностей, но в определение основного противоречия эти факторы включены не были.

Очевидно, что теория строительства социализма с китайской спецификой новой эпохи — это новая руководящая идеология на длительный период: "В долгосрочной перспективе необходимо руководствоваться этими идеями и непрерывно их развивать" [3, с. 16]. Появление новой теоретической платформы КПК — это историческое по своему значению событие, вместе с её принятием уходит старая эпоха — эпоха Дэн Сяопина. Строительство социализма с китайской спецификой новой эпохи, констатируется в докладе съезду, — это победоносное выполнение задачи полного построения общества средней зажиточности и перехода к всестороннему строительству модернизированной социалистической державы, "эпоха осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации" [3, с. 9].

"Китайская мечта" (ещё одна новация последних лет) будет осуществлена, таким образом, под знаменем теории Си Цзиньпина. Понятно, что все эти новые формулы открывают дополнительные возможности для изменений в экономике, политике, международных отношениях и т.д. Сейчас трудно представить, в каком направлении могут пойти преобразования, как это было не вполне ясно на XII съезде КПК в эпоху Дэн Сяопина. В этой связи обращает на себя внимание использование Си Цзиньпином в заключительном абзаце выступления одного известного положения традиционной китайской философии — "Тянь ся вэй гун" ("Поднебесная принадлежит всем"). Это аккуратное указание на качественно более высокое состояние общества, чем общество скромного достатка (сяокан), о котором говорил Дэн Сяопин в начале реформ.

СЕССИЯ ВСНП

После завершения XIX съезда правящей партии в ней сложилась необычная ситуация: нельзя было с уверенностью назвать преемника Си Цзиньпина на посту генерального секретаря и в последующем Председателя КНР. Возникал вопрос о планах Си Цзиньпина остаться у власти и на следующий после 2023 г. срок. Какие-то ответы должна была дать весенняя сессия ВСНП 13-го созыва.

Эта сессия состоялась в марте 2018 г., ей предшествовал внеочередной 3-й пленум ЦК КПК, принявший документ "Решение ЦК КПК об углублении реформ партийных и государственных органов". Традиционно первые сессии ВСНП новых созывов (как и съезды партии, они созываются раз в 5 лет) принимают решения по достаточно узкому и очень важному кругу вопросов: на них

² В уставе КПК, принятом на XII съезде, главное противоречие социализма определено как "противоречие между материальными и культурными потребностями нашего народа и отсталым уровнем нашего общественного производства".

избираются новые руководители высших органов государственной власти, заслушивается отчёт правительства и принимаются планы социально-экономического развития на текущий год, а также бюджет. В случае необходимости сессии ВСНП вносят поправки в Конституцию, закрепляющие идейно-теоретические новации, принятые на съезде партии. Включение в программную часть устава КПК новой идейно-теоретической формулы — теории Си Цзиньпина о строительстве социализма с китайской спецификой новой эпохи — давало веские основания считать, что на этот раз поправки в Конституцию также будут внесены. Все ждали, какие ещё решения фундаментального характера будут приняты.

Можно сказать, что сессия ВСНП воплотила дух XIX съезда в букву закона: была внесена 21 поправка в Конституцию, утверждён новый конституционный орган — Государственный контрольный комитет (фактически четвёртая ветвь власти, аналог которой существовали в старом, а также гоминьдановском Китае), принят закон КНР "О контроле". Новому органу были переданы полномочия как партийных комиссий по проверке дисциплины, так и прокурорских ведомств. Прокуроры из антикоррупционных управлений переводились в штат контрольных комитетов. Кроме знания законодательства им предписывалось разбираться в партийных инструкциях, предусматривающих дисциплинарную ответственность за нарушение правил поведения членов правящей партии.

Среди основных поправок в Конституцию (помимо поправок, касающихся создания контрольной ветви власти) обратит внимание на следующие.

- В преамбулу наряду с именами Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина теперь вписаны имя Си Цзиньпина и его идея о "социализме с китайской спецификой новой эпохи".

- Внесено дополнение, которым в ряды единого патриотического фронта были зачислены "патриоты, посвятившие себя великому возрождению китайской нации". К этой категории лиц следует в основном отнести зарубежных китайцев, внёсших огромный материальный вклад в развитие КНР после 1978 г.

- Впервые в Конституции была закреплена руководящая роль КПК: "Руководящая роль Коммунистической партии Китая является самой существенной отличительной особенностью социализма с китайской спецификой" [8].

- Наибольший интерес среди всех принятых ВСНП конституционных поправок, несомненно, вызвала поправка, отменившая ограничение срока занятия поста Председателя КНР (ранее — не более двух сроков).

Таким образом, растущая концентрация власти в руках Си Цзиньпина подкреплена теперь на кон-

ституционном уровне. Тенденция ухода Китая от коллективного руководства и сменяемости власти в сторону авторитарного правления, наметившаяся с приходом Си Цзиньпина, продолжает углубляться, проникая в законодательную сферу.

КИТАЙ И МИР

От простого участника глобализации Китай в новом веке шагнул к статусу ответственной глобальной державы [9, с. 17], а за 5 лет правления Си Цзиньпина перешёл во внешнеполитическое и внешнеэкономическое наступление, добиваясь достойного и всё более высокого места в системе глобального управления. В нынешней официальной фразеологии мечта о "великом возрождении китайской нации" предполагает движение к созданию так называемого сообщества судьбы человечества и несёт, как постулируется, существенные выгоды всем странам, поскольку Китай сможет брать на себя больше ответственности перед мировым сообществом и вносить более заметный вклад в глобальное развитие.

Важнейшим практическим воплощением новой стратегии является принятая в 2013 г. программа строительства Экономического пояса шёлкового пути и Морского шёлкового пути XXI века (мегапроект "Один пояс, один путь"), охватывающая более 50 государств Азии, Европы и Африки. На XIX съезде КПК этот проект внесён в устав партии, в то время как такие крупные международные объединения, как БРИКС и ШОС, вовсе не упоминаются в документе. "Шёлковая" инициатива Китая, подкреплённая учреждением Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Фонда шёлкового пути и провинциальными фондами с общим капиталом более 200 млрд долл., импонирует многим странам и имеет под собой прочную основу в виде избытка капитала и строительных мощностей в КНР [9]. Характерно, что интеграционные инициативы Китая контрастируют с тенденцией к изоляционизму в США: выход из Транстихоокеанского партнёрства, упразднение НАФТА и переход на новый формат отношений с Мексикой и Канадой, готовность выйти из ВТО и развязывание администрации Д. Трампа торговой войны против Китая в 2018 г. глубоко символичны, поскольку сигнализируют о рокировке в глобализации и выходе Пекина на роль лидера в этом процессе.

Подобное развитие событий трудно было представить даже 5 лет назад, не говоря уже о первых десятилетиях открытой политики, когда Пекин проводил откровенно протекционистский курс, всемерно локализуя экспортное производство и защищая внутренний рынок. Теперь же национальный частный капитал окреп настолько, что сам устремился за рубеж — вслед за государ-

ственными корпорациями, сформировавшимися в начале века.

"Опоздав к столу", Китай вынужден предоставлять своим партнёрам относительно благоприятные условия сотрудничества. Партнёры, в свою очередь, могут с выгодой использовать структурные и региональные диспропорции в китайском хозяйстве, репутационную, а теперь ещё и геополитическую нагрузку взаимных экономических связей. Становясь всё разнообразнее, эти связи позволяют противостоять нажиму со стороны традиционных западных участников взаимодействия, добиваться эффекта от многосторонней экономической дипломатии. Наконец, в пользу хозяйственного сотрудничества с КНР играет её сдерживание со стороны США, которых поддерживают некоторые западноевропейские эксперты [11, р. 8]. В результате развитие глобализации может утратить всеобщий характер, за её пределы окажутся страны Запада, Китай же выдвинется на роль двигателя этого процесса. В этом случае стимулирующим фактором может стать заимствование китайского опыта, "китаизация" экономического и политического пути развивающихся стран, распространение "Пекинского консенсуса". Последнее выражение принадлежит Дж. Рамо, который в работе, вышедшей в свет в 2004 г., противопоставил китайский опыт модернизации и борьбы с бедностью "Вашингтонскому консенсусу", символизирующему политику Запада относительно развивающихся стран и закрепляющему их зависимость и отставание [11].

Касаясь этого вопроса на XIX съезде КПК, Си Цзиньпин отметил: "Непрерывное развитие пути, теории, строя и культуры социализма с китайской спецификой открыло развивающимся странам новые пути к модернизации, предоставило совершенно иные альтернативы странам и нациям, стремящимся ускорить своё развитие и желающим сохранить собственную независимость. Таким образом, Китай привнёс китайскую мудрость и китайский вариант в решение проблем человечества" [3, с. 32]. Раньше китайские лидеры воздерживались от пропаганды китайского опыта, подчёркивая его специфику. Теперь, имея в виду крупные успехи внутри страны (средний темп прироста ВВП за 40 лет составил 9,5%), можно признать, что с победой модернизации и активизацией внешней политики Китая такая пропаганда выглядит вполне уместной.

Сохраняющееся в активном обороте партийных и государственных документов выражение "китайская специфика" не должно вводить в заблуждение, это не снижение меры универсальности, а символ успеха. В действительности китайские реформаторы не изобретали велосипед, а много и плодотворно заимствовали из мирового

опыта, осторожно и тщательно пересаживая его на китайскую почву.

* * *

В китайских реформах ведущую роль играли практика и эксперимент, верификация гипотез, сформулированных теоретически. Заслуга реформаторов в том, что они вышли из-под догматического давления марксистской теории, не порвав с ней окончательно, сохранили и национальную, и идеологическую идентичность, а со временем действительно развили теорию, начиная с идеи социалистической товарной экономики до формирования нового основного противоречия социализма.

Хотя, на наш взгляд, реформы и модернизация в Китае близки к завершению, теория начальной стадии социализма остаётся актуальной, особенно принимая во внимание значительные региональные различия и разрывы внутри страны.

До последнего времени у нас не было принято говорить о современном китайском опыте как об имеющем универсальное, общемировое значение. Не умея противостоять и противопоставить что-то современной западной общественно-политической и экономической идеологии и практике, Китай на протяжении многих лет терпел поражения. Модернизацию Китая долго рассматривали как приближение к западным моделям общественного устройства, и даже сохранявшиеся существенные отличия от западных стран воспринимались в качестве преходящей специфики, причём не только на Западе, но и в самом Китае. Ничто, казалось бы, не говорило о том, что вызревает уникальный и одновременно международно значимый опыт. Однако успех реформ и модернизации показал, что выраженная в китайской специфике уникальность сохранилась и даже институализировалась, не помешав, а, скорее, поспособствовав конституционализации восточного гиганта в качестве крупнейшего мирового игрока. Глобализация, таким образом, связала, но не унифицировала мир, в котором вновь существенно повысилось значение чёткого самоопределения стран с сохранением их "особости" в противовес унификации.

Распад СССР и ликвидация социализма советского типа усилили значение китайского опыта, подчеркнули его оригинальность и отличие от западных моделей. Но в тот момент ещё не было оснований рассматривать его в качестве оригинальной альтернативной модели. Только успех на практике, наработка и подтверждение адекватности категориального аппарата собственной теории дали основание говорить о появлении оригинальной модели и возможности её сравнения с западной, а не приближения к ней. Провоз-

глашённые на XIX съезде КПК формулы и цели принципиальным образом изменили ситуацию. К тому, что сейчас происходит в Китае, нужно относиться уже не как к реформам, а как к формированию принципиально *нового общественного строя*, соответствующего новой эпохе и новому технологическому укладу.

Мы привыкли оценивать Китай с точки зрения европейских моделей развития: капитализм, социализм, как они конвергируют, сочетаются, как на них влияет китайская традиция. Но сейчас налицо все признаки того, что в КНР формируется новый общественный строй — самостоятельный и органичный, отличный, что характерно, как от западного, так и от традиционного китайского. Он надстраивается над всем историческим наследием Китая — традиционным и социалистическим. Перед нами государство-цивилизация [12], в лице которого на авансцену мировой экономики и международных отношений выдвинулся Восток, независимый в политике и самостоятельный в суждениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М.: ИД ФОРУМ, 2011.
2. Жэньминь жибао. 1984. 23 октября.
3. Чжунго гунчаньдан ди шицзю цы цюаньго дайбяо дахуй вэньцзян хуэйбянь (Сборник документов XIX Всекитайского съезда КПК). Бэйцзин, 2017.
4. Материалы и документы XII съезда КПК. 1–11 сентября 1982 г. М.: Наука, 1983.
5. Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1988.
6. Дан дэ шицзю да баогао сюэси фудао байвэнь (Вопросы к изучению доклада на XIX съезде КПК). Бэйцзин, 2017.
7. Виноградов А.В. XIX съезд КПК. Великий поход к возрождению // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 1. С. 68–80.
8. Виноградов А.В., Троцинский П.В. Первая сессия ВСНП 13-го созыва и конституционные поправки // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 15–31.
9. Salitskii A.I. The Outward Expansion of China As a Result of its Victorious Modernization // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. № 1. P. 104–110; Салицкий А.И. Внешняя экспансия Китая — результат победившей модернизации // Вестник РАН. 2018. № 2. С. 171–178.
10. Godement F., Vasselier A. China at the Gates: a New Power Audit of EU-China Relations. L.: The European Council on Foreign Relations (ECFR), December 2017.
11. Ramo J.C. The Beijing Consensus. L.: The Foreign Policy Center, 2004.
12. Jacques M. Understanding the Rise of China. https://www.ted.com/talks/martin_jacques_understanding_the_rise_of_china/transcript (дата обращения 16.10.2018).

CAN WE SPEAK OF A NEW SOCIAL FORMATION IN CHINA?

© 2019 A.V. Vinogradov^{1,*}, A.I. Salitskii^{2,**}

¹Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow, Russia

²E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia

*E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru; **E-mail: sal.55@mail.ru

Received: 27.08.2018

Revised version received: 25.09.2018

Accepted: 10.10.2018

The authors commemorate and analyze the mileage of 40 years of reforms in China, focusing particular attention on recent events: the 19th National Congress of the Communist Party of China (CPC) and the 1st Session of the 13th National People's Congress. Following our discussion of these events, the authors conclude that China has entered a new phase of development. A new original social system is now under construction, and Chinese specifics have gained integrity as an independent project of social development that serves as an alternative to the Western mode.

Keywords: Chinese reforms, theory and practice of socialism in China, modernization, the 19th Congress of CPC, socialism, Marxism, Chinese specifics, social system.